

ДЖАЗОВЫЕ ВАРИАЦИИ НА ТЕМУ «ЖИЗНЬ»

Пустой театр. Сцена. Простые здоровенные мужики, которые получасом раньше иначе как матом не изъяснялись, вдруг подобрались, с любопытством разглядывая высвободившийся из ящика рояль. «Ну, сыграй, что ли», - промолвил кто-то из грузчиков, обращаясь ко мне. Я открыл крышку. Рояль был еще очень холодным. Нужно будет приложить много усилий, чтобы вдохнуть в него жизнь. Я прикоснулся к клавиатуре, по залу разнеслось несколько созвучий. «Красиво», - промолвил кто-то. «Да, - ответил я, - красиво».

Неверов Сергей Иванович, депутат Государственной Думы.

Мы все свидетели того, что фестиваль «Джаз у старой крепости» собирается большое количество людей разного возраста, социального положения. Это и рабочие, и интеллигенция, и студенчество. У многих срабатывает стереотип мышления, что Новокузнецк – мощнейший индустриальный центр, в котором сосредоточены крупнейшие предприятия черной и цветной металлургии, угольной промышленности, но концерты, фестивали и само существование джаз-клуба «Геликон» свидетельствуют о наличии в нашем городе и культурных ценностей. К нам сюда приезжают мировые звезды, мы этих людей когда-то видели

- Ваши родители – музыканты, люди творчески. Мария Николаевна – пианистка, Михаил Ефимович – трубач. То, что вы станете музыкантом, было предрешено с рождения?

- Они были замечательными родителями, любящими, добрыми. Все лучшее, что есть во мне, благодаря им. Что я стал музыкантом, было, действительно, предрешено. Сначала, может быть, за меня решили родители, а потом уже я сам. Самое интересное, что на учебу в общеобразовательной школе они не очень обращали внимание, хотя и учителя к нам приходили, и жаловались на меня, но родители на это смотрели, видимо, философски: двойки двойками, но мальчик способный, со временем повзрослеет. А что касается музыки, то здесь меня проверяли, дополнительно занимались со мною по очереди. Тогда было сложно попасть в музыкальную школу. На вступительном экзамене сидела комиссия, и хотя родители были известными в городе музыкантами, мне устроили настоящий экзамен.

- С удовольствием ходили на занятия или хотелось бросить бесконечные гаммы и... погонять мяч во дворе?

- Надо сказать, я не любил ни ту, ни другую школу. Конечно, были любимые предметы: литература, история, география. Зачитывался приключениями Тома Сойера, любил «Три мушкетера». Дома была прекрасная библиотека, я ее сохранил, часть библиотеки передал в джаз-клуб. Литературу любил всегда, поэтому, наверное, и книгу написал.

Что касается музыкальной школы, так это было постоянное ощущение, что у меня испорчено детство. После школы все идут на каток, на футбол, а я с папочкой картонной, где нарисован портрет какого-то композитора, понуро шел от Пионерского проспекта до улицы Мичурина в школу, как и многие другие дети, лишенные, по тем моим понятиям, детства. На самом деле, считаю, что это меня во многом сохранило, потому что парень я был хулиганистый, и слава Богу, что я был занят музыкой. Гаммы вообще никогда не хотелось учить. Сейчас, осмысливая свое детство с позиции взрослого человека, могу сказать, что нормальное воспитание детей – это прежде всего целый комплекс серьезных ограничений. Вот и все. Если не

будет этих ограничений, то каждый рискует потерять своего ребенка.

- А это не будет слишком большим давлением на маленькую личность?

- Нет, если талантливые педагоги ограничивают эту детскую свободу. Обычно дети любят добрых педагогов, которые их хвалят, все им разрешают, ничего не требуют, но на самом деле такие учителя, как правило, в душе абсолютно равнодушны к их судьбам. И, может быть, те самые учителя, которым дают самые обидные прозвища за их требовательность, «придирки», и есть настоящие педагоги.

- В книге «Романтики джаза» Вы упоминаете своего учителя музыки Михаила Валентиновича Митрасова. Он оказал на вас какое-то влияние?

- Честно говоря, я его не любил, в шестом классе сказал, что он мне не нравится и учиться у него не буду. Но все познается в сравнении. Дело в том, что этот педагог был единственным, кто в Новокузнецке давал сольные концерты. Он не только давал уроки ученикам, но и сам выступал перед ними. Думаю, что если педагог не умеет играть или всю жизнь довольствуется той программой, которую усвоил в училище или в консерватории и остался на том же уровне, то учиться у него нельзя. Он всего лишь теоретик пианизма и руками своих учеников пытается играть хорошую музыку. Вот тут как раз и есть насилие над учеником: я не умею, а ты вот это играй. Полагаю, что преподавать музыку имеют право и должны те люди, ко-

торые могут посадить своих детей и дать им блестящий концерт. Концерты М.В.Митрясова были ярким впечатлением для меня, хотя в то время в Новокузнецк очень часто приезжали знаменитые музыканты.

- Музыкальная школа, как правило, дает общее музыкальное образование, чаще для себя. Кто сориентировал профессионально?

- Видите ли, я считаю, что музыкальная школа должна воспитывать слушателей, для которых профессионалы будут играть. В связи с этим есть серьезная проблема: у нас в Новокузнецке десять музыкальных школ, и преподаватели этих школ сами не ходят и не водят детей на концерты. Настоящая музыка оказывается не востребованной молодым поколением, возможно,

будущих музыкантов или преподавателей музыки. Чему они научат своих учеников? Что касается меня, то огромный вклад в мое музыкальное образование внесли родители. Они же сориентировали в выборе будущей профессии.

- В 1968 году Вы поступили в Кемеровское музыкальное училище. Не страшно было пускаться во взрослую самостоятельную жизнь в 15 лет?

- Это было любопытно, интересно, но в тоже время меня постоянно тянуло домой, я был, в общем-то, «комнатным» ребенком. Со временем в общежитии это быстро прошло. Бесконтрольность губительна. Дело в том, что я привык к индивидуальной работе с педагогом, к хорошему внимательному обращению, а здесь до меня никому не было дела. А педагог должен не просто честно выдавать за 45 минут урока материал, но и лепить личность из ученика, не только учить его играть, но в разговорах о литературе и поэзии, о живописи и музыке, через целый комплекс информации «питать» духовно своих учеников. В училище рядом со мной такого педагога не оказалось. И знаете, многие хорошие ребята просто «сковырнулись» от такой самостоятельности. Я, например, вдруг захотел получить разряд по настольному теннису и стал играть в теннис больше, чем сидеть за роялем. Получал двойки и тройки, и хотя все говорили, что я талантливый, со второго курса исключили. Перевелся в Барнаул. Там была целая плеяда ребят, которые были хорошими талантливыми музыкантами, но бомжатами. Нам

только по телевизору, в журналах, а теперь имеем возможность увидеть воочию.

Не могу сказать, что я слушаю только джаз, но это та музыка, которую можно слушать всегда, в любом настроении.

Берестов – это беспокойный человек и не за себя, а за дело. Я горжусь знакомству с ним, рад встречам с этим талантливым человеком, благодаря которому в нашем городе есть такой клуб, есть интереснейшие культурные традиции.

Считаю, что у джаз-клуба «Геликон» большое будущее. Сегодня такая ситуация, что невозможно выжить без экономической поддержки, и очень хорошо, что в городе есть люди, готовые поддерживать финансово и клуб, и фестивали. К 20-летию «Геликона» под патронажем губернатора будут проходить концерты. Есть хорошая идея создания музея джазовой музыки, сейчас с губернатором, с директорами крупных металлургических компаний обсуждается проект выпуска большой коллекции дисков джазовой музыки. Думаю, что будущее джаз-клуба «Геликон» весьма оптимистическое.

Маслов Михаил Михайлович, начальник Управления культуры администрации г. Новокузнецка.

Клуб «Геликон» – особое учреждение культуры, которое не только пропагандирует джаз, но и является концертным учреждением. Сюда приезжают интересные коллективы и исполнители самого высокого уровня России и многих стран мира. Мы, конечно, отдаем должное коллективу джаз-клуба «Геликон» и Анатолию Михайловичу Берестову, Заслуженному артисту России. Благодаря его усилиям, его любви к джазу и оркестру, в нашем городе есть такое чудо – джаз-клуб «Геликон», единственный на всю Сибирь клуб такого уровня. Собственно, на всю Россию таких клубов только два – у нас в Новокузнецке и у Голощекина в Санкт-Петербурге. Недавно

негде было жить, прятались от дежурной, чтобы на ночь остаться в училище, бегали через форточку на вокзал поесть горячего. Не было никакого надзора ни со стороны учителей, ни со стороны родителей. Мы просто не вписывались в так называемую «поточную» систему музыкального образования. А к особо толковым ребятам нужен особый подход, их надо заинтересовать, придумать специальные программы, не просто заниматься с ними 45 минут. Исключение из училища было для нас привычным явлением, нормой... Ведь были целые отряды, которые дефилировали из Кемерово в Рубцовск, из Барнаула в Абакан...

Из Барнаула меня тоже «турнули», перевелся в Прокопьевск: ближе к дому, и появились какие-то молодые педагоги, выпускники новосибирской консерватории, которые совсем по-новому с нами общались.

- Что дали все эти странствия?

- Я научился сам выкарабкиваться из трудных жизненных ситуаций, делать выбор, принимать решение... При всем при том, я очень любил музыку, мог по десять часов сидеть за роялем, учить сложнейшие программы. Более того, мы занимались самообразованием, устраивали самые настоящие гонки: играли на время этюды Шопена, еще какие-то серьезные произведения. Причем участвовали в этом не только пианисты, но и баянисты, балалаечники, скрипачи... Пересиливало музыкантское честолюбие, желание сыграть лучше, виртуознее, и это спасало.

- Интересный факт Вашей биографии – замахнулись на живопись, попробовали себя в авангардизме. Это дерзость природы или влияние времени?

- Музыканты обостреннее других чувствуют действительность, краски, цвет... Где-то это было с юношеским максимализмом почти серьезно, хотя то время – это время хиппи, ходили полубосые, в джинсах потертых, ну и почему бы еще не создать выставку авангардного искусства? В Прокопьевске мы это сделали. Сейчас абсолютно не рисую, но у меня немало знакомых художников, есть среди них близкие друзья, и я могу оценить достоинство той или иной работы. Это ощущение музыканта, это ощущение человека, который, скажем так, много видел!

- Музыкальное училище Вы все-таки окончили, но в консерваторию не поступили. Сильно переживали или это было счастливой предопределенностью?

- Когда я поступал в новосибирскую консерваторию, видел, как рядом дрожали абитуриенты, для них это был вопрос жизни. Хорошо помню, что поймал себя на мысли, что мне это совсем не нужно! Когда не поступил, даже как-то облегченно вздохнул. А уже потом окончил Иркутский музыкальный педагогический институт. Но музыкантом я стал независимо от этого. И не только джазовым: многие годы я играл классические программы, у нас даже был камерный ансамбль – Альберт Губерт (скрипка), Сергей Усенко (альт) и Анатолий Берестов (фортепиано). Мы играли Моцарта, Шуберта, серьезную ансамблевую музыку, играли и джаз.

- После училища Вы занялись педагогической деятельностью...

- Да. Родители были преподавателями в педучилище №1, училище было уважаемым местом. Пришел, предложил свои услуги, меня приняли. Педагогом был, видимо, неплохим, студенты меня любили. В училище проработал 19 лет. Но с годами упал уровень поступающих, трудно учить музыке людей, которые заведомо не будут музыкантами, да и к музыке по большому счету равнодушны. В то время уже создавался джаз-клуб, нас взяли на бюджет города, я стал директором клуба как юридическое лицо. До сих пор работаю.

- Как и почему родилась идея создать «Филармонию школьника»?

- Кроме педагогики я пытался себя заполнить еще какими-то интересными вещами. В училище были педагоги, которые умели и хотели петь и играть. Мы заказывали афиши, организовывали концерты для ребят, составляли программы. В этом был какой-то просветительский момент. Более того, нам нужна была своя аудитория, была потребность выступать на сцене. Так родилась «Филармония школьника», куда из ближайших школ стали водить детей, причем я как-то убедил директоров и без всяких властей, что эти дети должны быть одни и те же. Мы играли для ребят совершенно разножанровые программы: симфоническую музыку.

ку, вокальную, фортепьянную, скрипичную. Дети писали сочинения о музыке, учились ее чувствовать. Филармония просуществовала четыре с половиной года, а потом это разрушили. Творческие, выступающие педагоги – это, к сожалению, всегда меньшинство, и остальных это страшно раздражало. Создали какие-то комиссии, совершенно посторонние люди стали судить, а правильно ли это делается методически?

- Сентябрь 1984 года – рождение джаз-клуба «Геликон». Как это произошло?

- Собрались люди, которые просто хотели играть хорошую музыку – хороший джаз. Это своеобразный досуг творческой интеллигенции.

- Почему «Геликон»?

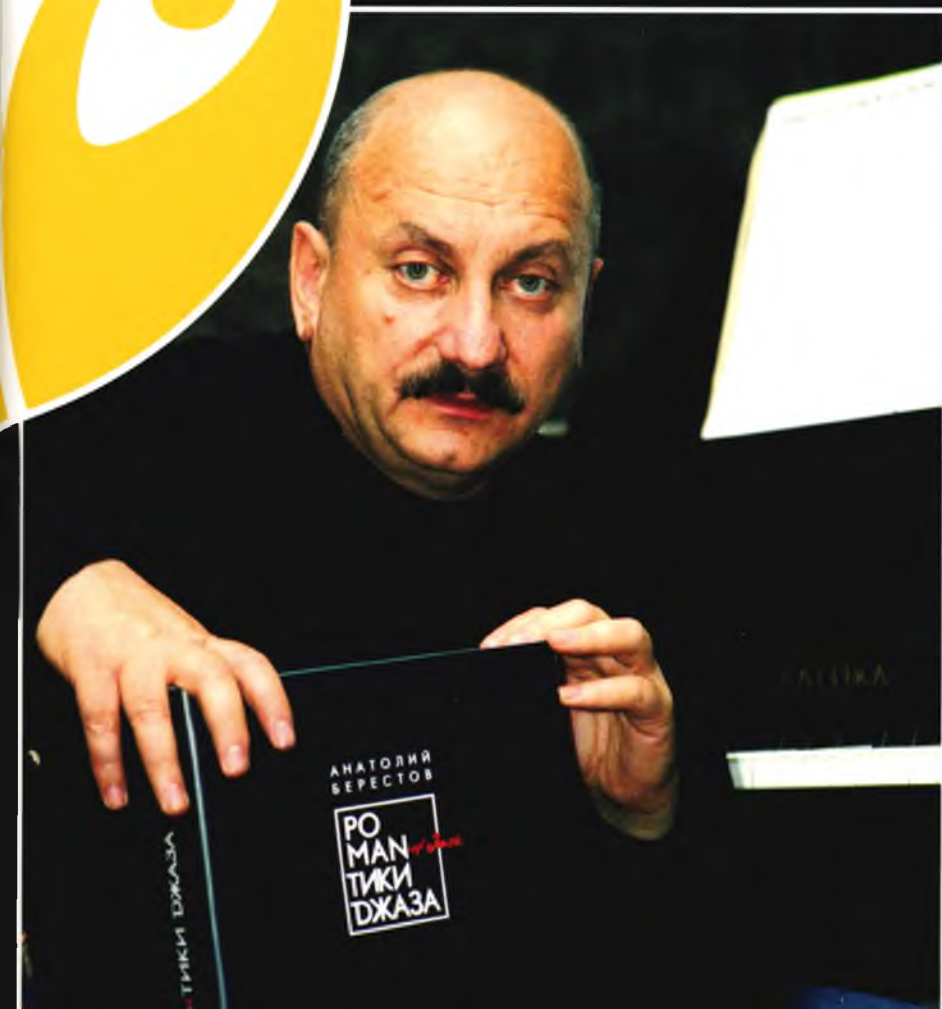
- Во-первых, самый низкий по звучанию инструмент в мире, более того, раз низкий, то является фундаментом музыкальной гармонии. Ну и геликон – это инструмент, который использовался в старом диксиленде, старом джазовом оркестре.

вышла его книга «Романтики джаза», посвященная 20-летию клуба, в которой Анатолий Михайлович рассказывает о развитии и становлении джаза в Новокузнецке. Это весомая страница в истории культуры нашего города и не только.

Как музыкант, как композитор я люблю хорошую музыку, в том числе и джаз, с удовольствием посещаю все концерты в джаз-клубе «Геликон». Джаз – это серьезная музыка, это классика, только люди несведущие могут думать, что джаз – это что-то развлекательное, легковесное. Истоки джаза – в народной музыке, значит джаз воспринял и её глубокую философию, и мудрость, и особое мироощущение.

Анатолий Михайлович Берестов – талантливый музыкант, творческая личность, отличный продюсер, умеет заинтересовать, убедить людей, найти спонсоров. Таким искусством общения обладают немногие. Благодаря ему у нас в городе проходят удивительные джаз-фестивали. Достаточно побывать хотя бы на одном из них, чтобы осознать, насколько клуб «Геликон» значим для Новокузнецка.

Пока есть такие люди, энтузиасты, как Берестов и его оркестр, будет жить джаз.

Виктор Сергеевич Жирнаков, управляющий директор ОАО «Новокузнецкий алюминиевый завод»

Клуб «Геликон» знают многие в России, хотя я сам для себя только его открываю. И очень рад, что наконец-то познакомился с замечательным джазовым оркестром нашего города. Это профессионалы высокого уровня.

Я вообще люблю хорошую музыку и рад, что произошла, наконец, моя встреча с джазом. Каждый человек должен постоянно что-то открывать для себя, особенно в культуре. Уверен, это не последняя встреча и с джазом, и с его художественным руководителем.

Об Анатолии Михайловиче слышал очень много хорошего. Безусловно, он талантливый руководитель, организатор и творческий человек.

Думаю, что у джаз-клуба «Геликон» большое будущее. Клубу и его директору желаю осуществления всех идей и планов.

- В книге Вы пишете о каком-то таинственном «совпадении вибраций» музыки с вибрациями струн человеческой души. Ваша душа откликнулась на вибрации джаза?

- Это Богом изначально было дано мне любить джаз и в джазе реализоваться. Когда услышал впервые настоящий джаз, меня как током ударило. А рядом стоял человек – с ним ничего не произошло. У меня была к этому предрасположенность, я открыт для вибраций джазовой музыки. Есть люди, которые с увлечением читают Дашкову, но ничего не чувствуют при чтении Бунина. И их нельзя за это обвинять. Это те самые флюиды, та самая энергетика, которая у каждого своя. Что объединяет людей по интересам? У одних дрожь оттого, что они занимаются филателией, а кто-то ... любит джаз!

- Почему вы назвали книгу «Романтики джаза»?

- Всеми людьми, которые в моей книге указаны, как правило, двигало романтическое начало. Именно любовь к джазу, а не профессиональные требования зарплаты, не корыстные вещи. Они положили душу на алтарь искусства из любви к джазу.

- В 1987 году открылся Дом творческих союзов. Время было уже «перестроечное», но Вас туда «не пустили».

- Дом творческих союзов – гениальное изобретение. Под одну крышу посадить все творческие коллективы и дергать за веревочки, руководя ими. Удобно для органов советской государственной безопасности: все неблагонадежные элементы, ранимые и трепетные интеллигенты – художники, музыканты, архитекторы, по тем временам политически не совсем уравновешенные, – на глазах и все должны быть причесаны, подчиняться президиуму Дома творческих союзов. Сначала нас пригласили, пообещали, что мы будем зарабатывать деньги, сами распоряжаться ими, к примеру, оплачивать поездки на джазовые фестивали, но они своих обещаний не сдержали, зато поняли, что с нами будет сложно, провели какие-то перевыборы в джаз-клубе, выбрали президентом какого-то проходимца, и мы ушли. Был официальный джаз-клуб при ДТС под крылом горкома партии и наш, но о них никто не помнит, а нам сегодня 20 лет.

- «Мы всем скажем, что вы подзаборные музыканты и не позволим вам привозить в наш город всяких проходимцев» (Первый секретарь горкома КПСС). Неужели в конце 80-х было такое?

- Меня по жизни сопровождает замечательная фраза – собаки лают, а караван идет. И все! Я тот самый верблюд, который идет, идет и идет. Главное, что я понимал для себя, что время все расставит по своим местам. По закону высшей справедливости. И мне все равно, что обо мне говорят, потому что у меня есть один судья – это Бог.

- Вы верующий человек?

- Я верю в Бога, верующий человек, православный, крестился уже в осмысленном возрасте, в 39 лет в Узбекистане. Там в Ташкенте есть совершенно потрясающая русская церковь, замечательный храм – островок православия на мусульманской земле. К сожалению, редко хожу в церковь, но это не является, на мой взгляд, показателем веры. Разговаривать с Богом можно практически в любом месте, и каждому Бог нужен, чтобы мы могли открыто до конца себя открывать перед ним.

- Своего «клубного» места у «Геликона» тогда еще не было. Где «снимали угол»?

- Мы репетировали в квартире моих родителей, во Дворце пионеров, в музыкальном училище, еще где-то, а потом мы три года засели в художественном музее. Договорились с музейным начальством, что

будем у них репетировать и играть на всех выставках. И каждое воскресенье мы стали в музее играть джаз совершенно бесплатно. В 1994 году мы благодаря Сергею Дмитриевичу Мартину въехали сюда.

- Ваши сотрудники мне сказали, что у Вас в кабинете живет домовый. Это правда?

- Домовой? Может, и живет домовый, потому что тут всякие звуки порой из стен раздаются, иной раз я это отчетливо слышу.

Но вещи не пропадают. Самое интересное, что если кто-то что-то у меня здесь забыл, через несколько лет находит. Ничего не теряется. У меня мышки здесь живут, и я запретил категорически, чтобы их трогали. Пусть живут, и все! Я их подкармливаю. Мы друг другу не мешаем.

- Когда и почему возникла идея проведения

джазовых фестивалей в Новокузнецке? Какой резонанс они имели в музыкальной жизни города?

- Первым фестивалем стала «Панорама сибирского джаза» в мае 1987 года. На фестиваль приехали ансамбли Валерия Экслера из Барнаула, Владимира Тимофеева из Новосибирска, из Кемерово были квартет Владимира Зубицкого, трио Альберта Лебедева, дуэт Владимир Скибин (гитара) и Сергей Шуранов (бас-гитара), а также мы — ансамбль «Комбо», тогда у нас было такое название. Нас показали по областному телевидению, настроение у всех было праздничное. На джаз-фестивальной карте страны появился еще один город.

- Символом джазовых фестивалей «Вечера фортепианного джаза» стала черная кошка... Почему?

- Фестиваль «Вечера фортепианного джаза» родился в 1988 году. Главным достоинством его была атмосфера раскрепощенности и свободы, в которой каждый из исполнителей демонстрировал самое дорогое и сокровенное. Кошка появилась на плакатах в 1989 году. Мы же тогда были все просто зомбированы борьбой за свободу, и кошка, гуляющая свободно по клавишам, эту свободу символизировала.

- Сегодня фестиваль «Джаз у старой крепости» - знаковое событие для города. Какова история названия фестиваля?

- У каждого города должна быть какая-то чисто «идеологическая» сердцевина. В Москве есть Кремль, в Санкт-Петербурге

Юрий Николаевич Буланов, председатель правления ОАО АБ «Кузнецкбизнесбанка»

Я думаю, в культурном формате города клуб «Геликон» занимает первое место. Такого высокого уровня фестивали, концерты в нашем городе кроме «Геликона» не проводятся нигде. Анатолий Михайлович с постоянной регулярностью организует концерты российских и зарубежных исполнителей джаза. И они с удовольствием едут в Новокузнецк, потому что у фестиваля уже есть имя, его знают и в России, и за рубежом. Наш провинциальный город известен углем и металлом, и вдруг такое совершенно удивительное явление. Разумеется, все в меру сил помогают ему, но локомотивом в этом благородном деле является Анатолий Михайлович. Ему хочется помогать, потому что его энергией нельзя не заразиться.

Владимир Семенович Декин - один из лучших российских музыкантов, целая эпоха джаза. Коллега, учитель.

К джазу я не равнодушен, хотя большим знатоком не являюсь. Просто мне нравится слушать хорошую, настоящую музыку. И здесь она есть.

А.М. Берестов – это очень коммуни-кабельный, талантливый человек. Он бывает импульсивным, категоричным, но это отличительная черта многих творческих натур. В то же время он искренен и понятен.

Пусть этот юбилей будет не последний, уверен, что он будет не последний. Желаю здоровья всем членам клуба, Анатолию Михайловичу, всем, кто поддерживает его, понимает и помогает. И чтобы зрителей и ценителей джаза было больше.

Борисов Анатолий Викторович, театральный режиссер, бизнесмен.

Дело в том, что «Геликон» выходит за рамки культурной жизни города Новокузнецка. «Геликон» – это своеобразная ниша, куда собираются люди, которым хочется побыть вместе и послушать хорошую настоящую живую музыку. Сравнить не с чем. Это уникальное явление для города Но-

– Эрмитаж, в других городах есть какие-то свои святыни. А у нас – крепость. Название фестиваля появилось в 1991. До этого были «Вечера фортепианного джаза», «Джаз-роаяль», но я думал, что это все не то, потому что этот фестиваль – достояние города, значит и название должно быть знаковым. Откуда, собственно, город начался? С крепости. Мы все живем у крепости, значит и «Джаз у старой крепости»! И что характерно, до фестиваля «Джаз у старой крепости» молодожены возили цветы к Вечному огню, когда появился наш фестиваль, стали ездить на крепость. Так мы приобщили молодежь к истории своего города.

- Вся Ваша жизнь в той или иной степени связана с музыкой, джазом, клубом «Геликон». Какое место в жизни Анатолия Берестова занимает его семья?

- Я, к сожалению, все-таки мало уделяю внимания своей семье, хотя стараюсь делать все возможное, чтобы семья ни в чем не нуждалась. Мы с женой прожили уже 18 лет, и как в любой нормальной семье у нас бывают свои кризисы, катаклизмы, которые я пытаюсь с позиции умного мудрого человека (мужчина всегда умнее любой женщины) разрешать и в нормальное счастливое русло вводить семейный корабль. Два года назад у нас родилась дочь, и сейчас все свои амбиции, которые в каждой семье у каждого имеют место быть, нужно прятать как можно дальше, потому что семейная жизнь обрела определенный конкретный смысл. Вся наша любовь полностью сконцентрировалась на нашем ребенке. Это великое счастье – иметь детей, видеть, как они растут, как они тебя радостно встречают, называют тебя папой, мамой. Мы долго к этому шли и слава Богу, что у нас родилась такая замечательная маленькая девочка..

- Как Вы думаете, трудно быть женой музыканта, причем такого увлеченного, одержимого джазом человека?

- Об этом, наверное, лучше спросить у моей жены Натальи Юрьевны. Она врач-эндокринолог, очень хороший врач. Я всегда приветствовал, чтобы она стажировалась у лучших российских профессоров в Москве, давал ей возможность себя реализовать. Считаю, что она может позволить себе со своим опытом работы открывать собственную клинику, пытаюсь в этом ее убедить,

потому что, все для этого есть: и время подходящее, и профессионализм очень высокий, и муж хороший. У нас абсолютно полное взаимопонимание, мы прожили немало трудных минут, всегда были рядом, и никто никого не предавал. Тут уже все вопросы сняты.

- День рождение «Геликона» осенью. Изумительное время года, такое переменчивое в своих настроениях. Я, видимо, мало разбираюсь в джазе, но для меня джаз прежде всего ассоциируется с осенью. А у Вас?

- Осень, конечно, красивое время года. У кого-то она связана с Пушкиным, с Болдинской осенью. А джаз, вы даже не представляете, насколько разный, как в прочем, и любая музыка. И джаз – это не обязательно блюз, в нем много и бравурного, и веселого. Джаз настолько всепогоден, что я не могу его связывать с каким-то временем года. Хотя у каждого человека есть свой джаз. Джаз – это особое состояние. У вас осеннее – значит, это ваш джаз, он отражает ваше сегодняшнее состояние, восприятие мира...

- Каждый человек о чем-то мечтает: о чем-то повседневном, о чем-то глобальном. О чем мечтаете Вы?

- Мечта одна – воспитать дочь, дать ей хорошее образование. Я хотел бы, чтобы она занималась музыкой, чтобы переняла от меня восприятие прекрасного, чтобы

однажды открыла мою книгу и восприняла ее как историю собственной семьи, историю своего города, страны. Чтобы она не была «перекачиполе», а помнила, откуда она родом. Я посвятил свою книгу родителям, но в чем-то

это и послание в будущее моей дочери. В этой связи времен и поколений будет ее сила.

Мечтаю создать музей джаза, и это тоже послание в будущее. Чтобы в это будущее войти, надо благоговейно, с уважением относиться к прошлому, правдиво воссоздать, восстановить историю.

- А если бы жизнь начать заново, что бы Вы изменили?

- Я для себя другой судьбы не вижу. Если бы пережить все заново, то пусть будет все так, как было. Единственное, можно было бы избежать общения с некоторыми людьми, которые в моей жизни оказались попутчиками, избежать их предательства, вероломства, не тратить силы души на серых, неинтересных и скучных людей, хотя...

Мы все — дети Времени. Бесстрастное, оно вложило в нас чувства — любовь, печаль, восторг... Как передать все его оттенки, которым нет числа, как сбереечь его дыхание?! А что если музыка и есть та самая скрижаль, на которой маленькими нотами мы нарисуем лики Историй.

Наверное, джаз у каждого свой, многообразный, безмерный в выражении чувств, настроений, красок. В медленном кружении падают на землю золотым дождем листья. Иду по ним, как по упавшим нотам, и музыка дождя, шелест листьев, порывы ветра сливаются в осенний блюз. И зазвучали томно-печальные звуки саксофона, сдержанные по-мужски. И скрипка вдруг меланхолично затосковала по увядающей красоте природы.

И вторят ей своими бархатно-певучими звуками виолончель, нежно-грустными переборами гитара, даже барабаны скромно притихли, чуть слышно отбивая ритмичные порывы ветра. А вот и труба пронзительно отозвалась серебряными звенящими звуками. И над всем этим многообразием осенних голосов, словно капли дождя, рассыпались звуки рояля, по которому, медленно перебирая клавишами, идет...своейравная черная кошка, а может, рыжая, как сама осень...

Ирина Казанцева

вокузнецка, для всего Кузбасса, для всей страны. В провинциальном городе маленький человек с большим талантом и возможностями объединил огромное количество людей вокруг своего клуба.

Я очень люблю джаз. Почему? Это трудно объяснить. Мне нравится эта музыка и все!

В Берестове замечательным образом «уживаются» совершенно два разных человека. Джазмен Берестов — это бешеный деспот. Деспотизм проявляется в требовании к себе и к другим людям в плане музыки. Должно быть только хорошо, и музыка должна быть прекрасная! Никаких подделок, никакой халтуры! Оркестр джаз-клуба «Геликон» благодаря его усилиям зазвучал совершенно иначе, мягче, лиричнее, повеяло сороковыми годами, тем милым неповторимым настоящим джазом. А человек он мягкий и отзывчивый, добрый отец и хороший друг. Кроме того, он необыкновенноталантлив. Свидетельством тому является его книга. Первая часть читается «сходу», настолько правдиво и интересно в ней отражена вся «музыкальная» история Новокузнецка, вторая часть повествует о развитии джаза, о времени, которому я был и сам свидетель. Здесь есть, над чем подумать, многое вспомнить, читаю медленно, не хочется торопиться.

Желаю джаз-клубу продолжает жить, расти и развиваться только в лучшую сторону. Побольше друзей, нежадных и бережливых спонсоров, потому что это прежде всего сохранение культуры города Новокузнецка. Этот клуб, этого человека надо беречь и любить.